

не только продолжали там существовать, но и оказали некоторое влияние на порядки крупного землевладения, сложившегося у варварской знати. Рабы (как римские, так и варварские) вошли как один из важных элементов в состав крепостного крестьянства — основного производящего класса феодального общества, — и этот элемент еще не вполне растворился в крестьянской массе, что нашло отражение и в памятниках IX в.

Рабовладельческий строй оказался еще более стойким на Востоке. Здесь он в большей степени оказал влияние на развитие феодальных отношений и придал им своеобразную окраску. В связи с этим рабство сохранилось в Византии гораздо дольше, чем в Западной Европе. Широко известно, что рабский труд играл известную роль в сельском хозяйстве и особенно в ремесле в Византии еще в X—XIII вв. Однако он сохраняется лишь как пережиток рабовладельческих отношений внутри феодальной формации.

Третьей особенностью революции рабов на Востоке является сохранение после этой революции в значительно больших масштабах, чем на Западе, крупного землевладения. Это относится главным образом к областям, не занятым славянами, в частности к Малой Азии, которая в последующие века остается страной крупного землевладения.

Четвертой, весьма важной отличительной чертой революционного перехода от рабовладельческого способа производства к феодальному в Византии является то, что в Восточной империи после „кризиса“ VII в. в значительно большей степени, чем на Западе, сохранились города, развитое ремесло и торговля.

Значение городов на Западе в последние века империи сходило на-нет. Их социальная и политическая роль кончилась раньше, чем они были разрушены варварами. Несмотря на все потрясения VII в., Византийская империя сохранила свои города и прежде всего Константинополь как центры промышленности и торговли. Итак, моментом, наиболее отличающим Византию от феодализирующегося Запада, были развитая городская промышленность и широкая внешняя торговля.

Необходимо, наконец, отметить еще одно отличие Византии от Западной Европы: сохранность в Византии античного культурного наследия и его дальнейшая переработка в новой общественной обстановке, в то время как в Западной Европе еще долго царил мрак невежества. Новые работы советских ученых показывают, что распространенные в буржуазной историографии воззрения на упадок византийской культуры, якобы имевший место в VII—VIII вв., лишены какого-либо серьезного основания. Реакционная буржуазная историография, фальсифицируя историю, стремится приписать упадок культуры на Западе народным восстаниям или варварским завоеваниям, вопреки неоспоримому факту, что этот упадок начался раньше и был связан с общим кризисом рабовладельческого хозяйства и особенно с упадком городов. Не менее рьяно современная американская и западноевропейская буржуазная историография, особенно католическая, стремится приписать сохранение старых культурных ценностей как на Востоке, так и на Западе христианской церкви. Сохраняя в своих интересах известные элементы письменности, церковь была гораздо более врагом, нежели хранителем античного культурного наследия, и сохранность его в Византии объясняется в первую очередь тем, что там уцелели города, сделавшиеся центром высокой светской культуры.

Таким образом, в силу ряда указанных особенностей экономического и социального развития Востока революция рабов приняла здесь